

СТАНИСЛАВ ЗОТОВ

ХРАНИТЕЛЬ ПРАВЕДНОЙ РУСИ

700 лет преподобному Сергию

“Святая Русь, прерванная татарским игом, начиная с Преподобного Сергия, снова была отмолена и вымолена, смутная тоска русского человека по праведности просветледа до осязаемых образов и подобий: явились замечательные примеры, из кроткой молитвенности выросла могучая сила”.

Валентин Распутин

Кто же был этот “предивный старец”, как пишет о нём уже первый его житиеписатель, его ученик, монах его монастыря Епифаний Премудрый? На первый взгляд, Сергей ясен нам всем. На иконах преподобного обращён к нам светлый спокойный лик старого человека, седого, но как бы и с некоей, сохранившейся до преклонных лет рыжиной в волосах. Да, золотая голова была у отрока Варфоломея, как звался Сергей до пострижения в монашеский сан, это и на Покрове со святых мощей Преподобного работы 1424 года выткано, да и на картине Нестерова “Видение отроку Варфоломею” обозначено, и это соответствует действительности: когда в послереволюционные годы вскрывали мощи Преподобного, то увидели сохранившиеся волосы на честной главе его, и волосы эти спустя века были чуть рыжеватые... А можно представить себе, каким золотоволосым он был в молодости!

А было их три сына в семье ростовского боярина Кирилла и его жены Марии: старший – Стефан, средний – Пётр, младший – Варфоломей (источники расходятся во мнении, был ли Варфоломей младшим или средним сыном. Я считаю, что он был младшим, так как к моменту ухода в пустынь его брат Пётр уже имел семью и детей). Все названы именами апостолов Христа: Петра, Варфоломея и первомученика Стефана. Уже по одному этому видно, что семья была исключительно верующая, воцерковлённая, дружная.

Сколько было лет Варфоломею, когда он ушёл от мира в лесную пустынь? Об этом остаётся лишь гадать. Если годом его рождения принято считать 1314-й, а годом основания обители – 1337-й, то ему должно было быть 23 года. День рождения Варфоломея – 3 мая по старому стилю, что примечательно, – это день памяти Преподобного Феодосия, игумена Киево-Печерской лавры, основателя монашества на Руси. Но даты эти условны, и вполне возможно,

Публикуется в сокращении. Полный вариант см. на сайте “Проза.ру” на странице автора.

что был он ещё очень юн, и этим объясняется то, что потребовалась ему помощь старшего брата, и, как знать, не был ли именно старший брат Стефан инициатором основания нового монастыря?.. Он, Стефан, только недавно потерявший молодую жену, в великом горе отрекшийся от мира и даже отдавший своих детей в семью среднего брата Петра, чтобы не мешали они ему свершать монашеский подвиг, имел, конечно, величайшее влияние на Варфоломея. Младший брат, уже будучи прославленным игуменом, уже нося громкое имя Сергия, никогда не спорил со старшим. Об этом говорит известный случай из жизни Троицкой обители, когда Стефан возмутился тем, что монахи обители во всём слушаются своего батюшку Сергия, а не его – Стефана. “Кто первым был здесь? – спросил как-то раздражённый Стефан. – Не я ли основал обитель сию?” Услышал это Сергий и, ни слова не говоря, собрал свои вещички в котомку, да тишком, так что никто и не видел, ушёл из монастыря. Ушёл далеко – на Киржач, в глухие владимирские леса, и основал там новую пустынь во имя Благовещения Пресвятой Девы. Долго искали его троицкие монахи, насилу нашли и еле-еле умолили вернуться в обитель, которую уже покинул Стефан, устыдившийся своей горячности.

Итак, родился Варфоломей в семье бояр, но (и это примечательно!) бояр обедневших, почти разорившихся. Есть под Ростовом Великим, что раскинулся издревле на берегах привольного озера Неро, небольшой посёлок Варницы. Название говорит о том, что там вываривали соль из имевшихся под Ростовом солёных источников. Это по дороге на Ярославль, на берегу небольшой речки Ишни. Там и была усадьба боярина Кирилла – отца Варфоломея. Ростов – древний город, первый из основанных славянами в этом лесистом суровом северном краю ещё в языческие времена. Некогда жили здесь мери – угро-финское племя, молились они своим вырезанным из камня или из дерева богам, и ещё князь Владимир Мономах в XII веке, объезжая свои владения, видел грозного каменного истукана, сидящего на берегу озера Неро.

В Ростове правили “константиновичи” – потомки несчастного князя Василья Константиновича Ростовского, убиенного Батыем. Сначала Борис Василькович, а после Константин Борисович. Вот Константину Ростовскому и служил боярин Кирилл, отец трёх братьев – Стефана, Петра и Варфоломея. Ростовское княжество было бедным и чем дальше, тем всё больше беднело. Не только претендентам на великое княжение нужно было регулярно возить подарки и дань в Орду, но и любому князю, чтобы подтвердить свои права на княжение хоть в самом захолустном владении, требовалось беспрестанно ездить к хану и ублажать его щедрыми дарами. Помимо всего прочего, из Орды регулярно наезжали так называемые “послы”, которые обычно вели с собой нешуточный военный отряд. Эти послы брали всё, что хотели, могли дочиста обобрать хоть князя, хоть боярина, а с простым человеком не считались совершенно. Без церемоний связывали одной волосистой верёвкой, надевая на шею петли, и гнали этот “полон” в свои кочевья. Ростовское княжество частенько оказывалось на пути этих “послов”, боярину Кириллу приходилось их всячески ублажать, мало того, постоянно ездить со своим князем в Орду, а на всё это требовались средства и средства.

Ко времени, когда младшему сыну Кирилла Варфоломею было лет восемь, новая великая беда обрушилась на русские земли – это была “Ахмылова рать”. Ордынский царевич Ахмыл опустошал поволжские земли, досталось и Ростову. Уж наверное видел малолетний боярский сын вереницы русских полоняников, бредущих в Орду, конные разъезды ордынцев, которые хоть и миновали Ростов, но зорили и опустошали всё вокруг. Страшная язва, терзающая Русь, стояла пред очами на диво молчаливого и самоуглублённого отрока во всём своём ужасе. Не было у русских князей сил противостоять татарам, так как эти владетели сами боролись между собой за каждую вотчину, и, может быть, осознание того, что лишь единая сильная власть, объединившая всю Русь, только одна она могла бы спасти Русскую Землю – это осознание и явилось для Варфоломея, будущего Сергия, основой его политических взглядов и определило его отношение к московским князьям, потомкам Даниила, в которых Сергий прозорливо увидел будущих объединителей Руси.

Казалось бы, ему, ростовчанину, не за что было любить московскую власть. Род ростовских князей пресёкся. Последний ростовский князь был женат на дочери московского князя Ивана Даниловича Калиты, и после его смерти Ростовское княжество было присоединено к московским владениям.

Отец Варфоломея Кирилл лишился своего боярского сана и вынужден был выехать из своего родового поместья под Ростовом и перебраться в небольшой городок Радонеж, затерявшийся среди лесов и холмов Клинско-Дмитровской гряды. Там семейство бывшего боярина вело очень скромную жизнь. К концу жизни Кирилл, окончательно разорённый, ушёл со своей женой Марией в монастырь, что у села Хотьково. Были тогда такие монастыри на Руси, где доживали свой век разорившиеся представители знатного сословия. Доживали со своими старухами-жёнами. Это были так называемые “особожительские” монастыри, где каждый монах жил “особо”, своим домом. Только Сергей Радонежский впоследствии возродил древний устав Киево-Печерской Лавры и ввёл “общежительство” для монахов. И уж, конечно, совместное проживание мужчин и женщин в монастыре отныне было исключено.

Остатки имущества Кирилл поделил между своими сыновьями, но Варфоломей сразу заявил отцу и матери, что уходит в монахи, его непрременное желание – служить Богу. Родители знали это давно, ещё с тех времён, как встретил отрок Варфоломей в лесу под Ростовом некоего святого старца и пожаловался тому на неуспехи в учении: он никак не мог освоить грамоту. Старец дал ему съесть кусочек просфоры – освящённого хлеба – и сказал, что теперь Варфоломей будет свободно читать Священное Писание, псалмы и молитвы. Это момент и изображён Нестеровым на картине “Видение отроку Варфоломею”. Варфоломей пригласил старца в дом, где того радушно встретили Кирилл и Мария. Святой старец вручил Варфоломею Псалтирь (сборник псалмов Давидовых) и приказал читать. К общему удивлению, мальчик стал свободно читать священные тексты. Это чудо было, пожалуй, первым в жизни будущего святителя Сергия, и оно определило всю его жизнь.

Уйдя в монастырь, отрок Варфоломей был пострижен в иноческий чин с именем Сергей. Молодой инок стремился к уединению и сугубой молитве и желал полного отшельничества. В одиночестве Сергей прожил года два. Далее к нему начали приходиться люди и селиться рядом с ним. Вскоре на Маковце образовалась монашеская община, и число монахов в этой общине вместе с самим Сергием долгое время было равно двенадцати. Это интереснейшая и мало комментируемая историками подробность. Но ведь 12 апостолов было у Христа, и это была уже малая церковь – зародыш той большой Вселенской Церкви, что основал Христос, которую, по Его слову, “врата адовы не одолеют”. Апостолы Христа были его учениками, а монахи Сергиевой обители были учениками Сергия и, как Христовы апостолы по миру, разошлись и они по Русской Земле и основали множество монастырей, особенно в Северной Руси, которую с тех пор стали называть “Новой Фиваидой”!

Но до этого было ещё далеко, впрочем, Сергей никуда и не торопился. Он обустроивал свою обитель, с течением времени у него стало больше насельников. Обители стал нужен игумен, а Сергей не хотел этого сана, всячески открещиваясь от начальнической должности. Это ещё одна характерная его черта – склонение от любого возвеличивания своей персоны. Ему это претило. Он даже до поры до времени сам не служил литургию – приглашал священников со стороны. И так продолжалось до того момента, пока монахи его обители не потребовали от своего “батюшки” принять игуменство и священство. Волей-неволей Сергию пришлось подчиниться. Он отправился в Переяславль-Залесский, и там местный епископ Афанасий возвёл его сначала в священническое, а после и в игуменское достоинство, благословив, между прочим, Сергия на введение в его монастыре “общежительного” устава. Это означало, что монахи теперь лишались своего личного имущества – всё становилось общим, в том числе и трапеза. Это была в полном смысле слова “коммуна”, но коммуна верующих людей, всё предназначение которых теперь было в одном – в молитве Богу за Землю Русскую.

Слава о чудесном монастыре на холме Маковец быстро бежала по Руси. Действительно праведная жизнь сергиевых монахов привлекала многих. К монастырю потянулись паломники из дальних и ближних мест. Несли с собой хлеб и рыбу – эти дары Сергей принимал, но дары только добровольные, по желанию самих паломников, никакой “мзды” за поминания, за службы не допускалось. Наоборот, в монастыре кормили бедняков и бесплатно лечили больных. Тут уже начались чудеса, связанные с личностью Сергия. Известен случай воскрешения из мёртвых одного отрока после молитвы над ним Сергия. Отец отрока уже принёс гроб, чтобы положить в него тело своего умер-

шего сына, но Сергей вдруг сказал ему: “Сын твой не умер, только уснул. Погоди немного”. Он помолился над умершим, и мальчик ожил. . . Отец ребёнка бросился в ноги игумену, но Сергей строго-настрою приказал ему молчать о том, что он видел. Но разве утаишь! Слава о чудотворце катилась по Руси. А после того, как молитва Сергия изгнала беса из одного боярина, и тот исцелился от безумия, в обитель Сергия проложили дорожку и сильные мира сего. Заинтересовались им и у престола московских князей.

Князь Иван Калита строил Москву как новую столицу Руси и не скрывал этого. Поняли это и иерархи церкви. И вот уже митрополит Пётр (глава всей русской церкви) перенёс свою резиденцию из Владимира в Москву. В связи с этим в Москве начинается строительство первого каменного храма – Успенского собора. Он пока невелик (спустя век на его месте будет построен итальянским архитектором Аристотелем Фиораванти новый грандиозный Успенский собор Московского Кремля), но начало положено: митрополит Пётр, умирая, завещает похоронить себя в Москве, в новом соборе. После него митрополитом на Руси стал грек Феогност. Именно при Феогносте Сергей был возведён в сан игумена Троицкой обители. Но “моровая язва” – страшная эпидемия чумы, занесённая на Русь с Востока в середине XIV века, – стала причиной безвременной кончины митрополита. Новым главой Русской Церкви становится москвич Елевферий из рода бояр Бяконтов, переселенцев из южной Руси. Он принял монашеское имя Алексий и стал великим московским святителем и чудотворцем – советником московских князей. Алексий, ещё подвизаясь простым монахом Богоявленского монастыря в Кремле, был близко знаком со Стефаном – братом Сергия, перебравшимся к тому времени из лесной радонежской глухомани в Москву в тот же княжеский монастырь. Они вместе пели на клиросе во время богослужений.

Стефан быстро шёл в гору. Он всё же по характеру был больше мирской человек, чем монах, и совсем не был похож на своего смиренного брата. Ему льстила мирская слава, княжеская милость, известность в столичных кругах. Он был красноречив, начитан, умён. Со временем вошёл в доверие к наследнику Ивана Калиты, его сыну Симеону Ивановичу (прозванному Гордым), и даже стал его духовником – священником, принимающим исповедь князя, дающим ему свои духовные советы. Московские бояре, видя такое возвышение Стефана, стали льстить ему, дарить подарки, ходить к нему за советом. Нет сомнения, что от Стефана в Москве узнали и об обители смиренного Сергия. И Сергей стал появляться в Москве, познакомился с княжеским семейством, но самое главное – вошёл в близкое общение с Алексием, а Алексий после смерти своего предшественника на митрополичьем престоле Феогноста при княжении брата Симеона Гордого князя Ивана Красного был фактически главой московского правительства и часто даже замещал князя в управлении государством во время многочисленных отлучек великого князя.

Игумен Сергей стал доверенным человеком митрополита, а главное, что Алексий понял, что радонежская обитель – это своего рода “школа”, своего рода “рассадник” великих людей, где усилиями Сергия вырастают бесценные духовные кадры в деле строительства новой российской духовности, а значит и государственности, ведь без искренних, духовно возвышенных подвижников невозможно развитие и строение нового государственного устройства, по сути, новой страны, которой предстоят серьёзные испытания. И Алексий направляет деятельность Сергия на возвращение таких кадров, на постоянную и упорную работу по “строительству” Церкви на Руси, по умножению и распространению по лицу русской земли новых православных центров – монашеских обителей – крепи русского православного духа. Именно тогда, при Алексии и при Сергии закладывается на века такое историческое понятие, как “Святая Русь”. До Сергия такого понятия не существовало. Древний стихотворец, автор знаменитого “Слова о погибели Русской Земли”, говорил о “светло-светлой и украсно украшенной Земле Русской”. О “Светлой Руси”, но не о “Святой”. Светлая Русь погибла в пламени великого азиатского нашествия, но родилась, после века безвременья и смуты, Святая Русь, и рождение её осуществилось жертвами князей-мучеников, терпением и стойкостью народа, проповедью святителей Петра, Алексия, Сергия и многочисленных учеников его.

В княжение Великого князя московского Симеона Ивановича Гордого (1341–1354) мир на Руси не нарушался. Не было отмечено ни одного нашествия ордынцев на русские земли – это было блистательным продолжением ми-

ролюбивой политики Ивана Калиты. И Симеон Гордый (недаром так прозванный!) мог уже править Русью, как своей вотчиной, и ни один удельный князь не оспаривал власть Москвы. И это на фоне всё нарастающей смуты, что охватила Волжскую Орду. Хан Узбек скончался одновременно с Иваном Калитой – в 1340 году, и сразу же между его наследниками завязалась кровавая распря. За 10 последующих лет на престоле сменилось 6 ханов, каждый из которых начисто вырезал всех своих родственников, но находились новые претенденты на власть, которые уничтожали его самого. В конце концов, к началу 60-х годов XIV века Золотая Орда распалась на два государства, разделённые течением реки Волги. В западном (правобережном) ордынском государстве к власти пришёл темник (командир “тьмы” – 10 000 воинов) Мамай, который не принадлежал к роду чингизидов (потомков Чингисхана) и потому стремился новыми завоеваниями и агрессией против соседей упрочить свою власть и славу. Но это будет несколько позднее, а пока ничто не мешает Симеону укреплять и расширять московское государство. И кто знает, может быть, уже при нём Русь обрела бы свою независимость, но случилось страшное бедствие: в 1352 году на Русь пришла чума, “моровая язва”, как говорили тогда.

Эпидемия была повальной. В больших городах вымирало до двух третей или даже трёх четвертей населения, некому было хоронить умерших. Москва была опустошена, умер в 1353 году и сам Великий князь Симеон, погибла и вся его семья – жена и все дети. Умер брат Симеона князь Андрей, которому принадлежали радонежские земли и который, видимо, первым из князей открыл для себя обитель преподобного Сергия. После смерти своего “духовного сына” князя Симеона бежал из Москвы брат Сергия Стефан, а ведь он был уже игуменом кремлёвского Богоявленского монастыря! Он явился спастись в обитель к Сергию. “Моровая язва” обошла стороной Троицкий монастырь, и это было признано чудом, ведь монастырь уже не был затерян в лесах: мимо него к тому времени прошла большая дорога на Ростов и Ярославль, да и местное население приумножилось. Народ заметил, что Бог хранит обитель Преподобного, и стал активно селиться вокруг, расчищая лес под пахоту, и вскоре, как пишет Епифаний, “вокруг вместо лесов явились обширные поля и угодья”. Естественно, умножилось многократно и количество прихожан и паломников, которые приносили с собой в монастырь щедрое подаяние. Давно прошли те времена, когда монахи питались “гнилым хлебом” и водой. Теперь всего было в достатке. Но от этого для самого Сергия ничего ровным счётом не изменилось. Он продолжал оставаться всё тем же скромным “трудником” и “купленным рабом” для своей братии, каким и был. Продолжал работать в огороде, копать землю, плотничать и, что особенно любил, печь хлеб для братии, в том числе и просфоры.

Характерный случай: однажды в обитель пришёл некий крестьянин, хотел увидеть прославленного игумена. Ему сказали, что игумен работает в огороде. Он заглянул в огород и увидел какого-то нищего с виду человека, который копал грядки. “А где же Сергий?” – спросил пришедший. “Да вот же он!” – ответили ему. Гость оскорбился тем, что его обманывают, да ещё смеются над ним, и хотел уже покинуть обитель, как вдруг увидел въезжающего в ворота монастыря князя в сопровождении пышной свиты. Увидел, как князь (может быть, это был как раз радонежский князь Андрей Иванович, сын Ивана Калиты) сходит с коня, снимает пышный головной убор, идёт пешком в огород, опускается на одно колено перед “нищим” и принимает его благословение. После отходит с ним в сторону и что-то долго обсуждает. Когда князь уехал, смущённый крестьянин подошёл к Сергию и смиренно попросил прощения за свои сомнения. На что Сергей улыбнулся и сказал, что он один и был прав в отношении к нему, как к простому бедняку, а все остальные, кто его прославляет, заблуждаются.

Но вот что интересно: именно этот “бедняк” обрёл огромный духовной авторитет на Руси, а в особенности – в Московском государстве. После смерти Симеона Гордого и всего его семейства от чумы Московский престол перешёл к последнему сыну Калиты – Ивану Ивановичу, прозванному Красным. При нём-то митрополитом и стал Алексей, ездивший на поставление к патриарху в Константинополь, или Царьград, как говорили тогда русские люди. Возвращаясь из Константинополя, Алексей попал в страшную бурю на Чёрном море, и утлый корабль его, кажется, уже был готов пойти ко дну. Алексей

взмолился ко Господу, что если останется жив, то построит храм Божий во имя своего спасения. Буря прекратилась. Алексей вышел на берег. Это было 16 августа (по старому стилю) – празднование памяти Перенесения Нерукотворного Образа (Убруса) Спаса из Едессы в Константинополь. Это так называемый “третий Спас” – его на Руси называют “Ореховым Спасом” (29 августа по новому стилю). Во имя этого праздника Алексей и решил построить в Москве храм. К кому он, святитель, обратился за благословением? К Сергию! Мало того, попросил смиренного Сергия прислать своего ученика для основания нового монастыря вокруг этого храма. Сергий прислал своего любимого ученика Андроника, тоже выходца из ростовских земель. Новый монастырь был основан на реке Москве, за Яузой, на пересечении двух дорог: южного тракта, ведущего в Крым, и владимирского тракта. Место стратегически важнейшее! Спасо-Андроников монастырь и ныне стоит вблизи улицы Сергия Радонежского на востоке Москвы, там сейчас располагается музей иконописи имени Андрея Рублёва. Святой “изограф” Андрей, по преданию, застал ещё Преподобного Сергия и был им выбран в духовные сыновья. Затем он был учеником Никона, продолжателя дела Сергия, стал монахом Андроникова монастыря, откуда ходил на свои иконописные “послушания” по всей Руси, а закончил свои дни в излюбленном своём монастыре за Яузой. Сам Сергий, когда бывал на Москве, куда обычно ходил пешком из своей обители, всегда останавливался у “брата Андроника”, а когда уходил, то Андроник с братией провожали его до Владимирского тракта. На том месте и сейчас стоит часовня “Проща” – скромный памятник святому путнику Сергию.

Разве пример с Андроником единичен? А кто основал Сторожевский монастырь под Звенигородом? Савва, прозванный Сторожевским, – ученик Сергия, особо близкий ему, он был даже его духовником. А сын Стефана Иван, в монашестве Феодор, что двенадцати лет был приведён своим отцом на выучку к Сергию, был пострижен им в монахи, жил в келье у него, а со временем основал Симонов монастырь около Москвы (названный так по имени Симона – монаха, в прошлом боярина, которому принадлежали земли, где был основан монастырь), он же позднее стал архиепископом Ростовским. Симонов монастырь к югу от Москвы стал крепостью на пути степных набегов. А уже из Симонова монастыря вышли великие русские святые Кирилл и Ферапонт – основатели знаменитых Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей на Севере Руси.

Если всё перечислять... 25 монастырей было основано учениками Сергия только при его жизни, а всего после его кончины – не менее 70-ти. Вот вам и “бедняк” с огородной грядки из лесной глухомани! Каждое слово этого “бедняка” гулом летело по русской земле, каждое новое чудо, совершённое Сергием, становилось известно всем, как только сам Сергий ни пытался скрывать этого. Но это уже было не в его власти! Задумаемся над этим явлением... Видимо, Русь ждала такого человека. Руси нужен был высокий моральный авторитет, ни на волосок не запятанный ничем, такой чистый дух, воплощённый в скромном теле этого рыжеволосого, чуть косящего, внешне невидного человека. Руси нужен был Учитель, нелицемерно несущий слово Христовой истины, как бы сам образ Христа несущий на себе. Потому что только такой человек мог благословить Русь на великую жертву – на битву за спасение “светло-светлой и украсно украшенной” Земли Русской.

В 1359 году, 33 лет от роду, скоропостижно умер великий князь Московский Иван Иванович Красный, оставив после себя малолетнего сына Дмитрия. Казалось бы, теперь соперникам Москвы, иным князьям предоставляется возможность отпасть от Москвы, попытаться счастья в поисках великого княжения... Не тут-то было! Московское правительство, возглавляемое митрополитом Алексием, авторитет которого был непререкаем, подняло, что называется, на щит малолетнего князя Дмитрия Ивановича и добилось для него ярлыка на великое княжение у золотоордынских ханов. Суздальско-Нижегородский князь Дмитрий Константинович, представитель княжеского рода, идущего от несчастного брата Александра Невского князя Андрея Владимирского, попытался, было, оспаривать Владимирский престол, но сильная московская рать, двинувшаяся на Владимир, скоро привела его в чувство, и в 1362 году он признал своего восьмилетнего родича Дмитрия Ивановича Московского великим князем. Когда Дмитрию Московскому будет 13 лет, он соединится браком с дочерью этого князя княжной Евдокией, и таким образом два самых сильных кня-

жества на Руси объединятся. Разумеется, брак этот будет устроен митрополитом Алексием.

Тогда же Москву постигнет большое несчастье – огромный пожар. Сгорит весь посад и часть дубовых стен Кремля. Малолетний князь Дмитрий (читай – митрополит Алексей) издаст указ о строительстве нового, уже каменного Кремля, и в пять лет на Кремлёвском холме псковскими мастерами будет построена белокаменная крепость. И вовремя! На Москву с Запада надвинулась новая страшная опасность: великий князь Литовский Ольгерд в 60-е годы XIV века совершил два военных похода на Москву, но не смог взять нового белокаменного Кремля. А у Ольгерда были весьма обширные планы. Этот талантливый полководец сумел в битве на Синих водах в южнорусских степях разбить ордынское войско, после чего под его власть попала вся Южная Русь – вместе с Киевом, Переяславлем-Южным и всей Подолией. Ольгерд, таким образом, стал князем Киевским и претендовал на власть над всей Русью. Ему осталось лишь захватить Москву, а Новгород (так он думал) и сам бы признал его своим господином – и вот нет уже никакой Руси, а есть Великая Литва!

Может быть, кому-то и понравилась бы такая “евроинтеграция”, как это произошло с Галицкой Русью после кончины всех наследников Даниила Галицкого, когда эта исконно русская земля попала под власть Польши. Но белокаменные стены Московского Кремля умерили тогда прыть литовского “интегратора”. А вскоре и сам Ольгерд умер, в Литве вспыхнула долгая смута и борьба за власть между его наследниками.

60-е – 70-е годы XIV века – это время решительного собирания сил Московского государства перед историческим поворотом – освобождением русской земли от ига. И в это дело были включены все силы Руси – и светские, и духовные. Святители, подвижники веры, лесные молитвенники и смиренники – все были “мобилизованы”, если можно так выразиться, для этого дела. И тут огромный авторитет Сергия был своего рода “оружием”, которое работало весьма эффективно.

В 1365 году новая опасная смута готова была разрушить так трудно складывавшееся единство Руси. Брат суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича (тестя Дмитрия Московского) князь Борис Константинович захватил Нижний Новгород. Он мог обратиться за помощью к ордынцам, надо было пресечь этот мятеж в зародыше, пока не началась большая междоусобица, в которую, несомненно, вмешались бы и татары. Что делать? Двигать рати на Нижний Новгород?.. И такая рать была двинута: целое войско заменил собой скромный игумен Сергий, “нищий с огородной грядки”. Он пешком (Сергий никогда не пользовался конями – везде и всегда ходил пешком) двинулся к Нижнему Новгороду. Можно представить себе, как он шёл! В городах и сёлах к нему выходили массы народа, он всех благословлял. Люди пытались дотронуться до него, до его одежды, матери выносили детей. Сергий шёл не торопясь, служил молебны в церквях, святил воду, произносил проповеди. К Нижнему Новгороду он пришёл уже во главе изрядной толпы и, как Христос на своём осляти в Иерусалим, Сергий вошёл в город, и князь Борис не посмел замкнуть перед ним городские ворота. Напротив, он подошёл под благословение. Благословляя, Сергий дал Борису настоятельный совет покинуть город и не начинать смуты. Однако Борис не послушался – владеть таким богатым городом, как Нижний Новгород, было и престижно, и выгодно. Сергий больше не обращался к князю. Он стал обходить городские храмы и... закрывать их. Просто прекращать богослужения. Такое право ему было дано от митрополита Алексия. И службы прекращались, и никто не смел нарушить этот запрет! Можно себе представить, что творилось в городе, в какое смутные были погружены его жители. Их, по сути, отлучили от Бога! Но вот что удивительно: никто даже не подумал возмутиться действиями Сергия или преступить запрет. Этот скромный монах в глазах тогдашнего населения был “десницей Божией”, имел право карать и миловать. Оценивая это происшествие, мы можем понять, что тогда для всего народа русского значил Сергий. Это был уже не игумен Троицкой обители, не святитель, не пророк даже – это был Отец. Как отец в семье наставляет и имеет власть над ребёнком, так Сергий имел духовную власть над народом, и слово его было законом. Весь гнев нижегородцев обратился на князя Бориса, и Борис уступил. Он добровольно сдал город своему брату, а сам уехал в Городец на Волге, который получил

во владение. Так, одним только словом Сергия была предотвращена большая междоусобная война.

И вот тут перед нами вновь встаёт великая психологическая загадка: если Сергий мог так решительно применять свою духовную власть, мог поднимать народ и наказывать князей, то почему же он отказался принять от стареющего митрополита Алексия высшую церковную власть, когда глава всей Русской Церкви в конце 70-х годов вызвал его в Москву и поделился с ним печалью: он стареет, одолевают болезни, скоро преставится ко Господу. Кому доверить Церковь, а значит, и государство?.. Князь Дмитрий, конечно, умен, храбр, но бывает горяч, несдержан. В том числе и в своих увлечениях. Вот привязался он к некоему архимандриту московского Новоспасского монастыря Михаилу, прозванному Митяем (уж не зря прозвали, иронически переименовав его имя, — заслужил своим поведением такую насмешку!), сделал его своим духовником. Хочет князь “Митяя” после Алексия поставить митрополитом. А в этом для Церкви будет великая опасность, поскольку уж очень своеволен и заносчив отец Михаил, везде хвалится своим влиянием на князя, с иерархами Церкви ведёт себя грубо и заносчиво — типичный выскочка “из грязи в князи”. Но вот если Сергий согласится принять сан митрополита, надеть золотой “парамандный” крест... И с этими словами Алексей приказал принести этот крест и богатые архиерейские одежды, и всё это надеть на Сергия. Никто не возразит против того, чтобы Сергий стал митрополитом — ни князья, ни народ: Русь молится на своего чудотворца!.. И тут Сергий заплакал.

— Отец святой, — сказал он Алексею, — отроду не был я златоносцем, не буду и в старости. А коли будешь принуждать меня принять сан, моей скудости не подобающий, то уйду в леса, в пустыни, и не найдёте меня.

Алексий понял, что перед ним не “деятель” церкви, не святитель даже — Ангел во плоти, действительно ничего себе на земле не ищущий. Вспомнил Алексей рассказы монахов, что видели, как Сергию во время литургии *сослужают ангелы*, как огонь исходит из благословляющей руки его, — это видели многие. Понял Алексей, что Сергий и так уже имеет власть высшую, ни в каких чинах не нуждающуюся, понял и отступил. Благословил и отпустил в лесную обитель. А вскоре умер... И был уже грозный 1378 год — приближалась мамаева гроза...

Темник Мамай справился наконец-то со смутами в Орде. Истребил всех своих противников, в том числе и царевичей чингизидов — потомков Чингисхана и Батыя. Из чингизидов оставался лишь Тохтамыш, но он ушёл за Яик (ныне река Урал), прятался там в степях, блуждал, как затравленный волк. Сила и власть была у Мамая. Он провозгласил себя ханом. Золотая Орда, казалось, возрождалась.

Но что такое Золотая Орда? От основания своего разорителем Руси Батыем было это государство, существующее лишь за счёт грабежа и дани русских земель. Золотая Орда воевала со своими соседями — с Ираном, с Литвой и Польшей, с народами Кавказа, со среднеазиатскими ханствами, но всё это были дальние походы, которые не столько приносили прибыль, сколько требовали больших затрат. А Русь была рядом, её всегда можно было безнаказанно грабить, уводить в полон русский народ, торговать рабами, получая большую прибыль. Потому всякий раз, как Орда усиливалась, она усиливалась за счёт грабежа, прежде всего, Руси. Мамай, желая упрочить своё могущество — могущество узурпатора, волей случая захватившего престол чингизидов, — конечно, не видел иного средства, как только очередной грабёж русских земель. И потому набеги Мамая на Русь были особенно опустошительны и жестоки. В поговорку вошла фраза, бытующая в нашей речи и сегодня: “Как Мамай прошёл!”

С Мамаем невозможно было договориться, откупиться от него. Он был, говоря современным языком, “беспредельщик”. Мамаевы орды оставляли после себя пустыню. Целью Мамая было полное разорение и опустошение Руси, что, вероятно, должно было служить подготовкой нового нашествия на Европу по стопам Батыя. Сосуществовать с таким хищником было невозможно, тут, как говорится, кто кого. Князь Дмитрий Иванович Московский это понимал, потому он не искал мира с Мамаем, а готовился к решающей битве. Он не уклонялся от столкновений с отрядами Мамая, а сам выходил в степь со своим конным войском и искал сражений. В 1378 году Дмитрий Московский повёл полки за Оку, в рязанскую землю, где правил князь Олег Иванович Ря-

занский, правитель, принявший много страданий за свою вотчину. Рязань как окраинное русское княжество на границе со степью всегда первым подвергалось разорению и погромам. От постоянных набегов ордынцев запустела Старая Рязань, превратившись в мёртвый город, столицей княжества стал городок Переяславль-Рязанский, на месте которого и возникла со временем современная Рязань. Олегу Рязанскому приходилось нелегко между двух огней – Степной Орды, наседавшей с юга, и Москвы, грозившей ему с севера, потому он маневрировал, переходя то на одну, то на другую сторону. Вот и в 1378 году он не воевал с Ордой, но видел, как на реке Воже, недалеко от его стольного Переяславля-Рязанского, московское войско Дмитрия разбило орду Мамаева темника хана Бегича. Уже в следующем году, в отместку за разгром Бегича, снова пришёл Мамай и разорил... рязанские земли. Олегу трудно было с этим смириться, и к осени 1380 года он стал союзником Мамаю перед лицом страшного нашествия, поскольку Мамай собрал невиданную силу – 300 тысяч войска – и пошёл на Дмитрия Ивановича, чтобы окончательно покончить с Москвой. Олег написал Мамаю письмо с изъявлением покорности, но когда бояре сообщили ему, что Дмитрия на битву с Ордой благословил сам Сергей Радонежский, Олег в страшном смятении воскликнул: “Что же вы сразу не сказали мне, что Сергей с Дмитрием! Ведь с кем Сергей, с тем и Бог!” Олег бежал из Рязани в Литву, а впоследствии, когда в 1385 году к нему в Рязань пришёл сам Сергей улаживать очередную междоусобицу, Олег словно ждал этого: он тут же согласился на увещевания Преподобного и заключил мир с Москвой. Олег взял для своего сына в жёны дочь Дмитрия Донского и тем самым фактически устранил все препятствия для дальнейшего объединения Москвы и Рязани. И это, пожалуй, последнее великое свершение Сергея – вечного миротворца и радетеля за единство русской земли.

Мамай долго собирал войско для великого нашествия. Он посылал в Среднюю Азию к хивинцам, вызывал отряды ясов с Северного Кавказа, на Волге мобилизовал пять татарский орд (известно, что на поле Куликовом на Красном холме с Мамаем стояло 5 знатнейших татарских князей). Мало того, он привёл к походу на Русь и европейские силы! Через порт Кафу в Крыму (нынешняя Феодосия) к нему прибыло наёмное генуэзское войско, так называемая “чёрная пехота” – европейские латники, носившие чёрные доспехи и готовые сражаться за кого угодно, кто платит золотом. А золота у Мамаю было много.

Кроме того, Мамаю удалось заключить военный союз с литовским князем Ягайло, преемником Ольгерда. Итак, Мамай играл в беспроигрышную игру: он сумел вооружить против Руси, против Москвы, против Дмитрия окружающие страны. Это был своего рода объединённый поход врагов русской земли. Конечно, такой поход имел только одну цель – окончательно покончить с Русью, с самим существованием русских как нации, с самой православной русской цивилизацией. И Дмитрий это понял и начал со всей тщательностью готовиться к отпору. Во все подвластные Москве города и земли, во все союзные княжества были посланы гонцы. Дмитрий призывал *исполнить крестное целование* – встать единой ратью под Московские знамёна. И что удивительно – всё исполнилось! Никто не отказал Дмитрию. Князья ростовские, ярославские, белозёрские, моложские, прозоровские (удела ярославского княжества), тарусские, кашинские, оболенские, мещерские, елецкие, стародубские, брянские, каргопольские, костромские, смоленские, холмские (из тверской земли) – все присоединились к войску Дмитрия. Почему я пишу “князья” во множественном числе? Да потому, что каждый князь шёл не один, а приводил с собой всех своих сыновей, племянников и прочих родичей. Вот пример: пришёл ярославский князь Роман Васильевич и привёл на битву пять своих сыновей! Да разве он один?... Даже родич Ольгерда князь Андрей, княживший в Пскове, пришёл с дружиной, пришёл Дмитрий Ольгердович, другой сын Ольгерда – князь трубчевский. Правой рукой Дмитрия был воевода Дмитрий Михайлович Боброк Волынский – выходец из Западной Руси (тот самый знаменитый Боброк Волынец, чья выдержка и мудрое слово решили исход Куликовской битвы). И, наконец, был тут отважный Владимир Андреевич, князь серпуховской, двоюродный брат Дмитрия, сын того самого князя Андрея Ивановича из Радонежа, близкого знакомого преподобного Сергея. Владимир Андреевич заслужил наименование Храброго, ибо это он повёл за собой Засадный полк и обратил в бегство Орду на Куликовом поле.

Помимо князей “со дружинами”, шли и бояре со своими людьми да и городовые ополчения, так называемые “тысячи” со своими тысяцкими. Дороги к Москве были запружены, так что великий князь Дмитрий распорядился назначить место сбора всех отрядов в Коломне. Так только в Коломну от Москвы рати шли по трём дорогам и то не вмещались! Это было воистину всенародное ополчение. Шла православная Русь на великую битву, и этому народу нужен был духовный пример, высокое освящение жертвенного подвига. Кто мог тогда дать такое освящение, кому верила Русь... Ну, не Митяю же, который в это тяжёлое время бросил Русь и пробирался в Константинополь к Патриарху в тщетной надежде выхлопотать себе митрополичью шапку. Москва осталась без духовного владыки, но такой владыка находился в Троицком монастыре в лесах у Радонежа. И вот 18 числа августа месяца (по старому стилю) князь Дмитрий Иванович выехал из Москвы не в сторону Коломны, а на северо-восток – в Троицкую обитель Сергия. Игумен вышел к нему, и Дмитрий попросил благословения на битву. Сергей спросил князя, всё ли он сделал, чтобы предотвратить кровопролитие, как велит долг христианина?

– Всё сделал, святой отец, – отвечает Дмитрий, – богатые дары были посланы Мамаю, дань обещана двойная – всё напрасно. Мамай идёт в силе тяжкой, желает истребить само имя христианское на Руси, чтобы люди русские и Бога забыли, а стали рабами бессловесными.

– Тогда он погибнет, – твёрдо молвил Сергей, – ибо сказано: просят золота – дай золота, сколько хотят, последнюю рубашку снимают – отдай и рубашку, но если Бога велют забыть – тут не смирайся, ибо Бог поругаем не бывает. Иди на битву смело, ты победишь!

И тут же велел он двум монахам, бывшим воинами, – Александру Пересвету из Брянска и Андрею Ослябе из Любеча – в схиме идти за князем в поход на Мамай. Воины-монахи только того и ждали. Они приняли благословение своего настоятеля, и вскоре поражённые ратники Дмитрия увидели их выходящими из келий в чёрной одежде с нашитыми белыми крестами и без кольчуг. Так они и пошли на битву. Это смертники. Приняв схиму, они словно умерли при жизни ради Христа и Его победы.

Получив благословение Сергия, Дмитрий через день прибыл в Коломну. Там он принял смотр всего войска, и русские воины, стоящие на Девичьем поле у Оки, впервые увидели не обычный, не багряный, а чёрный стяг великого князя с нашитым на нём золотом образом Спаса Нерукотворного. Стяг чёрный – это знак жертвенности. Все содрогаются, всем понятно, что они идут на смерть. Чтобы приободрить войска Дмитрий, приказывает поднять на копье, словно хоругвь, икону Божией Матери, недавно написанную великим “изографом” Феофаном Греком. На иконе Божья Мать скорбит, но лицо её твёрдо и непреклонно. Все молятся. Возврата нет.

Войско шесть дней шло к месту битвы, к берегам Дона, ныне это юг Тульской области, у города Узловая. В том месте невеликая речка Непрядва впадает в широкий ещё Дон. Хотя в то время Дон в верхнем течении был полноводнее, он вытекал из большого Иван-озера, располагавшегося на месте нынешнего города Новомосковска. Озеро это пересохло во времена императора Петра I из-за неправильного строительства канала в этом районе. А в то время и в верхнем течении Дон был нешуточной рекой. За Доном расстиралось широкое и ровное Куликово поле с редкими дубовыми рощами по окраинам, с небольшой возвышенностью, называемой Красным холмом, на южной стороне. Идеальное место для битвы! Но и опасное – тут простор для конницы, а ведь это – основная сила ордынцев. За Доном отсидеться было бы проще, но и нанести решающее поражение орде оттуда было невозможно. Это понял Дмитрий, но как воодушевить своих воевод, да и простых воинов... И тут прибывает гонец от Сергия. Он везёт послание Преподобного к Дмитрию. Сергей пишет: “Без всякого сомнения, господине, вступи в бой со свирепостью, их нисколько не утрашаясь, – обязательно поможет тебе Бог”. Прочитав это послание, Дмитрий приказывает войскам перейти Дон. Это было вечером 7 сентября (по старому стилю), в канун праздника Рождества Пресвятой Богородицы...

В самый день праздника в Троицкой обители у Сергия совершалась, как всегда, ранняя литургия. Ранняя – это 6 часов утра, раннее утро. В это время на Куликовом поле начали развёртываться русские полки. Рассвет был, как говорит предание, туманен и холоден. Войска развёртывались широким

фронтом в 10 вёрст. Никогда ещё Русь не выводила в поле такую силу! Но и со стороны Орды начали развёртываться конные отряды, а в середине ордынских порядков зачернели ряды генуэзской пехоты – европейские латники шли в бой против православного войска. Воистину прав наш великий поэт Фёдор Тютчев (дальний предок которого, боярин Захарий Тютшев, кстати, был послом князя Дмитрия к Мамаю с предложением мира, но Мамай отверг этот мир), когда писал:

*Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна восстали царства тьмы...*

Литургия в Троицком храме у Сергия заканчивалась, когда игумен вдруг прервал службу и, словно зачарованный, начал говорить своим монахам и прихожанам, которых много собралось в храме, ведь был праздник. Он начал рассказывать о битве, о том, что вот сейчас выезжает из русских рядов Александр Пересвет... Вот выезжает встречь ему могучий видом ордынец, по роду печенег, – Челубей. Вот он что-то кричит Пересвету, оскорбляет его, похваляется своей силой... Вот они устремились навстречу... И копьями пронзили друг друга!

– Прими, Господи, душу брата нашего, раба Твоего Александра!.. – восклицает Сергей.

Потрясённые прихожане и монахи обители, а среди них был и молодой инок Епифаний, прозванный впоследствии Премудрым, не шелохнувшись, слушают в молчании рассказ Сергия о свершающейся сейчас, вот в это самое время битве. Сергей словно парит в храме, взор его устремлён куда-то вдаль, он сейчас не здесь, он там – в поле, среди русских ратников. Он видит всё, что там происходит, и тут же рассказывает об этом. Он видит, как князь Дмитрий в латах простого ратника сражается в первых рядах своего войска... Вот на него бросились восемь ордынцев! Он отбивается, прижавшись спиной к дереву. Меч его рубит одного врага, другого... Князь получает сильный удар по шлему, падает, оглушённый, и на него падают мёртвые, только что зарубленные им ордынцы. Но он жив, да спасёт его Богоматерь!

А это что?.. Фряжская рать прорубилась в самую середину нашего стана! Бой идёт у княжеского стяга. В доспехах великого князя Дмитрия, в его багряном плаще, что зовётся “корзно”, сражается воевода Михайло Бренок. И вот он поражён смертельно, и стяг княжеский падает, подрубленный фряжским мечом. Прими его душу, Господи!

Но сражаются ещё в середине русского войска князь белозёрские со своей дружиной, что весело шли на битву и “нарядно выглядело их войско” (как написано в “Сказании о Мамаевом побоище”). Но падают убитые один за другим князь Фёдор Романович Белозёрский и сын его Иван. Прими их души, Господи!

И, кажется, одолевают сыроядцы... Но стоит ещё за густой дубравой засадный полк воеводы Дмитрия Боброка Волынца и князя Владимира Серпуховского. И рвётся в бой молодой князь Владимир, но воевода Дмитрий удерживает его: “Пожди, князь, пусть ветер переменится на них!” И переменился ветер... и пошла русская конная рать разворачиваться лава за лавой, и ударила по орде сзади. А запасных ратей у ордынцев нет – все силы Мамай бросил в битву. И возопили ордынцы: “Увы нам! Мы все русские рати порубили, а ныне русские мёртвые да побитые живыми встали!” И бросилась орда в бегство, и Мамай бежал с Красного холма, бросив всё достояние своё: и казну золотую богатую, и шатёр свой, и все князья ордынские бежали с ним.

...Молчание царило в Троицком храме. Преподобный Сергей закончил свой рассказ и замолчал, лишь горели глаза его, да осунувшееся лицо словно светилось в полумраке невеликого деревянного храма.

– За нами победа, мы победили, – закончил он и пал без чувств.

Два года жила Русь свободно, только два года... А в 1382 году пришли из Степи новые грозные вести. Мамай, бежавший с Куликова поля, не успокоился. Он усиленно собирал новое войско. И собрал. Он пылал ненавистью к Дмитрию и готовился в новый набег. Но, видно, уж он был проклят от Бога,

по слову Сергия, и дни его были сочтены. Из зауральских степей явился хан Тохтамыш, потомок Чингисхана, захватил столицу Орды город Сарай, а Мамай со своим войском отошёл в причерноморские степи. И там, на знаменитой речке Калке, возле нынешнего Мариуполя, произошла решающая битва. Мамай был разбит Тохтамышем, потерял всё войско, бежал в Кафу (Феодосия), и там его зарезали генуэзцы, видимо, в отместку за своих воинов, что не вернулись из похода на Куликово поле. Тело его было брошено в море на корм рыбам. Так закончил свои дни этот злейший враг Руси.

Однако Тохтамыш, утвердившись в Орде, сразу предъявил свои права на дань с русских земель и затребовал её с Дмитрия. Дмитрий послал богатые дары новому ордынскому царю, но явно дал понять, что Русь теперь независима. У Тохтамыша не было сил поднять новое большое нашествие на Русь, но их хватило, чтобы устроить неожиданный и коварный набег, что и произошло в 1382 году. Дмитрий не успел собрать большое войско и ушёл в Кострому, а Москва сопротивлялась набегу. Тохтамыш, обозрев новые московские каменные стены, понял, что ему их никогда не взять. И он пошёл на хитрость. Он привёл под стены Москвы двух братьев великой княгини Евдокии, и те клятвенно пообещали москвичам, что Тохтамыш желает только мира. И Москва открыла свои ворота... Ордынцы ворвались в Кремль и устроили там страшный погром. Они не брали пленных, у них не было времени вести пленников в Орду, они опасались войск князя Дмитрия, шедших с севера. И поэтому они убивали всех...

Узнав, что приближается Дмитрий с полками, Тохтамыш тут же бежал в степь, а один из отрядов Тохтамыша у Волока Ламского был наголову разбит войском Владимира Андреевича Храброго – героя Куликовской битвы. Прошло время безнаказанного хозяйничанья ордынских отрядов на Руси и их карательных нашествий. Теперь ордынцы могли лишь по-разбойничьи набегать на пограничную Русь, хватать, что попадётся под руку, и бежать стремительно в степь, едва услышав о приближении русских войск. Возможно, Тохтамыш и готовил новое великое нашествие на Русь, но в 1395 году сама Золотая Орда была уничтожена, сметена с лица земли нашествием Тамерлана, знаменитого и безжалостного “железного хромца”, владыки Самарканда. В ожесточённом сражении в предгорьях Кавказа Тохтамыш был уничтожен, по приказу Тамерлана была сожжена и разрушена до основания столица Орды Сарай. Золотая Орда окончательно распалась на ряд ханств. Сам Тамерлан устремился на Русь, и русское войско во главе с князем Василием Дмитриевичем (сыном Дмитрия Донского) на Оке выстроилось в ожидании битвы. Но... Тамерлан неожиданно повернул назад. Ему во сне явилась сама Пресвятая Богородица и сказала владыке Востока, что если он пойдёт на Русь, то все силы небесные обрушатся на него. Тимур был умный и осторожный политик, верящий в судьбу. Развернув свои войска, он ушёл в степь. В это время вся Москва постилась и молилась о спасении Руси перед иконой Владимирской Божией Матери, перенесённой по этому случаю в Москву. И Бог спас Московскую Русь.

К тому времени уже не было в живых ни князя Дмитрия Донского, ни Святого Сергия Радонежского. Рано ушёл из жизни князь Дмитрий, тяжело пострадавший на поле Куликовом. А в 1392 году преставился ко Господу и Святой Сергий. Перед кончиной ему было явление Пресвятой Богородицы, и она сказала рабу Божию Сергию, что молитвы его дошли до Господа, и лавра, основанная им, устоит.

И, может быть, с тех пор и живёт в русском народе великая и благая весть, что доколе стоит лавра Преподобного Сергия, стоит и Русь.

И идут, идут люди в лавру к Сергию поклониться его мощам, что покоятся в серебряной раке в Троицком соборе лавры. И каждый получает утешение, но главное – это светлое чувство, охватывающее всякого, кто приходит в это святое место. И только побывав там, мы можем уразуметь в полной мере слова Преподобного, обращённые к крестьянину, что когда-то никак не мог признать игумена Сергия в бедняке, копавшем огородные грядки:

“Не печалься! Здесь милость Божья такая, что никто печальным не уходит отсюда. И о чём ты печалишься, что ищешь и чего желаешь – тотчас даст тебе Бог”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Житие Сергия Радонежского. Написано Премудрейшим Епифанием. По изданию: Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., “Художественная литература”, 1981.
2. Задонщина. Там же.
3. Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича. Там же.
4. Житие и подвиги Преподобного отца нашего Сергия Радонежского. Архиепископ Никон (Рождественский). М., Издательство Сретенского монастыря, 2010.
5. Сергей Радонежский. СПб, “Ленинградское издательство”, 2012.
6. З а й ц е в Б. К. Преподобный Сергей Радонежский. В книге: Голубая звезда. Тула, “Приокское книжное издательство”, 1989.
7. Сказание о Мамаевом побоище. По изданию: Энциклопедия Куликова поля. Новомосковск Тульской области, 1996.
8. О побоище, которое было на Дону. Летописная повесть по тексту IV Новгородской летописи. Там же.
9. Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. М., “Голос”, 1993. Тт. 3 и 4.
10. Ключевский В. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства. В сборнике: Сергей Радонежский. М., “Патриот”, 1991.
11. Распутин В. Ближний свет издалека. Там же.
12. Отец Павел Флоренский. Троице-Сергиева лавра и Россия. Там же.